

Исследования

Из письма Б. Ф. Егорова от 9 июля 1978:
» А потом Ваши «глобальные» идеи о ходе жанров и фабул. Я думаю — рядом — о стракностях лирических и лиро-эпических жанров, вообще о расцвете и падении лирики как рода прежде всего (придумал, что расцветает в эпохи интенсивности, любви, даже интенсивности реакции и духоты — это влияет на интроекцию, на масштабность, на темы «тлк и страка», «тлк и природа» и т.д.). А внутри этих волн расцвета и упадка свои жанровые электрокардиограммы...

А у Вас подобные идеи о ходе прозы в XIX — XX вв. (точнее — о ходе рассказа и повести? роман, наверное, труднее следить, хотя Вы его подвергаете в фабульные ходы очень браво — но тут ведь возникает, помимо фабульных эволюций, какая-то самостоятельная дорога, тем более странная, что, несмотря на все анти-целостные и анти-эпические условия, роман всё-таки процветал и процветает, пусть и с эпигонскими свойствами). <...> Во всяком случае, очень бы хорошо Вам издать книгу о пушкинских сюжетах, это было бы событие. «

Исследования

Биографический нарратив о Назирове

Б. В. Орехов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Введение

Обычно в нашем журнале публикуются филологически-ориентированные материалы, что вполне естественно, учитывая, что главный герой этих публикаций — доктор филологических наук, известный литературовед Р. Г. Назиров. Но в этот раз мы попробуем отвлечься от привычного вектора и представить текст, основанный на комплексе методов социальных наук. Речь пойдет о качественном анализе нарративных текстов (интервью и жизненные истории), посвященных персоне Р. Г. Назирова.

На базе журнала «Назировский архив» мы в течение нескольких лет вели целенаправленную работу по сбору материалов в координатах такого научного направления, как Oral History. Мы опрашивали тех, кто был знаком с Р. Г. Назировым, фиксировали их воспоминания и публиковали их на страницах журнала. Практика Oral History также подразумевает агрегирование устных свидетельств, но чаще все же не о биографии одного человека, а о каких-то значимых общественно-политических событиях. В этом смысле для Устной Истории собранные нами материалы не вполне типичны: «В Oral History биографии могут, но не должны играть роль доминантного источника информации»¹, а наши материалы как раз были биографически ориентированы.

Тем не менее, нам представляется, что это было важной структурной частью деятельности журнала, и уже накоплено достаточно данных для того, чтобы их обобщить и систематизировать, а самой биографической работе подвести некоторый итог.

Кроме того, в процессе обработки полученных текстов стало очевидно, что вокруг фигуры Р. Г. Назирова формируется особый нарратив, имеющий сложную внутреннюю организацию и преломляющийся сообразно социальной ориентации говорящего. Вскрыть сущность этой организации как раз способна методология, выработанная в социологии для анализа нарративно-биографических интервью такими исследователями, как Ф. Шютце, Г. Розенталь, М. Коли, Е. Рождественская и мн. др. Этот нарратив мы и попытаемся представить его в социологическом обрамлении с тем, чтобы добиться уточненного понимания, в каких

¹Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М., 2012. С. 7.

отношениях находится фигура Назирова относительно различных общественных институтов.

В этом исследовании мы опирались на следующие источники:

1. Борисова В., Тихомиров Б., Якубова Р. Ромэн Гафанович Назиров, 1934–2004 // *Dostoevsky Studies. The Journal of IDS*. 2005. Vol. IX. P. 246–250.
2. Илюшин А. А. Из воспоминаний о Р. Г. Назирова // *Диалог. Карнавал. Хронотоп*. 2009. № 2 (42). С. 146–150.
3. Шаулов Сергей С., Орехов Б., Рыбина М. Экспромт. Парадокс. Авторитет. Предисловие к публикации авторского конспекта лекции Р. Г. Назирова // *Диалог. Карнавал. Хронотоп*. 2009. № 2. С. 133–136.
4. Назирова Д. Г. <Биография Р. Г. Назирова> // *Назирровский архив*. 2013. № 1. С. 140–142.
5. Шаулов С. М. Воспоминание о встрече // *Назирровский архив*. 2013. № 2. С. 115–116.
6. Шуганов Ю. М. Две исповеди. Уфа: Инеш, 2013. 136 с. [о Р. Г. Назирове: с. 4–7, 13, 16, 17].
7. А. Л. Осповат о Р. Г. Назирове // *Назирровский архив*. 2014. № 2. С. 149–155
8. С. В. Белов об Р. Г. Назирове // *Назирровский архив*. 2014. № 3. С. 150–152.
9. Из письма П. Валтакари об Р. Г. Назирове // *Назирровский архив*. — 2014. — № 4. — С. 131–132.
10. Чернова Н. В. Он «шел» Петербургу (О Ромэне Гафановиче Назирове) // *Русская и мировая литература: сравнительно-исторический подход: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Ромэна Гафановича Назирова* / отв. ред. Р. Х. Якубова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 5–7.
11. Романов Ю. А. Памятный разговор // Там же. С. 7–10.
12. Никольская Т. А. Воспоминания об учителе // Там же. С. 10–12.
13. Выналек Е. А. Воспоминания о Р. Г. Назирове // *Назирровский архив*. 2015. № 1. С. 159–161.
14. Интервью с заместителем главного редактора журнала «Назирровский архив» Сергеем С. Шауловым // *Назирровский архив*. 2016. № 4. С. 96–109.
15. Интервью с бывшими студентами филологического факультета БашГУ // *Назирровский архив*. 2017. № 1. С. 105–109.

16. Каракуц-Бородина Л. А. «Седой профессор говорил о Чехове...» // Назировский архив. 2017. № 2. С. 77–81.
17. Интервью с сыном Ромэна Гафановича Станиславом Назировым // Назировский архив. 2017. № 3. С. 58–71.
18. Интервью с сыном Ромэна Гафановича Эдуардом Назировым // Назировский архив. 2017. № 4. С. 74–94.
19. Интервью с бывшей студенткой филологического факультета БашГУ Екатериной Спиридоновой // Назировский архив. 2018. № 1. С. 194–203.
20. Гаврилова С. С. Воспоминания дипломницы Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2018. № 2. С. 84–88.
21. Воспоминания студентов филологического факультета БашГУ разных лет // Назировский архив. 2018. № 3. С. 94–98.
22. Тупеев М. А. Воспоминания // Назировский архив. 2018. № 4. С. 36–38.
23. Лобанова Г. И. Воспоминания // Назировский архив. 2019. № 1. С. 60–61.
24. Зубарев Д. И. Воспоминания // Назировский архив. 2019. № 2. С. 130–142.
25. Интервью с В. Б. Катаевым // Назировский архив. 2019. № 3. С. 85–92.
26. Карпусь Г. Мы не догадывались даже, с каким корифеем свела нас жизнь // Назировский архив. 2019. № 4. С. 98–99.
27. Еникеев А. Назировское установление // Назировский архив. 2020. № 1. С. 216–217.
28. Воспоминания выпускницы филфака БашГУ Елены Чельшевой, см. текущий номер «Назировского архива».

Следует обратить внимание, что в выборку попали биографические документы разных жанров. Здесь есть и классические интервью (*С. С. Шаулов, Основат, Катаев*), и мемуарные заметки (*Романов, Выналек, Тупеев*), и извлечения из более обширных текстов (*Шуганов, Валтакари*), и некролог (*Борисова и др.*). Обычно все же исследователь имеет дело с менее пестрым жанровым составом, но, кажется, что такой подход позволит добиться лучшей репрезентативности, поскольку корпус воспоминаний о Назирове не настолько велик, как хотелось бы (об этом ниже). Тем не менее, следует учитывать, что интервью и воспоминания представляют собой разные сущности, традиционно требующие различных подходов и набора исследовательских процедур. К воспоминаниям в нашей выборке ближе всего жанр, который социологи называют «историей отдельного случая» («individual case history»), предполагающий фокусирование внимания на отдельных жизненных эпизодах, в нашем случае — на тех, в которых говорящий сталкивался с персоной Назирова. Однако

каждый из этих жанров предполагает селекцию информации, то есть отбор и репрезентация наиболее релевантных фрагментов жизненного опыта. Иными словами, общего в них всё же больше, чем различного.

Другая оговорка в том, что не все эти материалы представляют собой тексты, собранные нами для журнала «Назирковский архив». Некролог для «Dostoevsky Studies» написан по инициативе авторов, воспоминания *Илюшина* опубликованы ещё до того, как началась систематическая работа коллекционирования биографических свидетельств о Назирове, а тексты *Черновой*, *Романова* и *Никольской* напечатаны в книге, к которой редакция «Назировского архива» отношения не имела. Кажется, что на это важно обратить внимание, чтобы зафиксировать: в нашу выборку попадают тексты, структура которых не была заранее запрограммирована сотрудниками редакции. Тем самым, выборка отражает наиболее общие тенденции, свободные от того вектора, который мы бы могли корректировать своей волей, задавая информантам вопросы в рамках определенной стратегии.

Последняя оговорка в том, что исследовательские практики социологов, прилагаемые к такого рода документам, обычно позволяют больше выяснить о говорящем, чем о предмете разговора. Биографические интервью и другие биографические материалы служат для конструирования собственной идентичности в социальном или политическом поле — поэтому интервьюируемые чаще говорят о себе, даже если тематика интервью заявлена как «персона Назирова» (ср., например, *Зубарев*)

Текст как минус-приём

До описания того, что говорится в биографических свидетельствах о Назирове, необходимо выделить такую важную сферу, как отсутствующие свидетельства. Мы вправе были бы ожидать, что свои воспоминания о Назирове оставят его ученики: те, кто писал под его руководством кандидатские диссертации и дипломы, а также сотрудники кафедры русской литературы и фольклора. Но ничего подобного не произошло. Более того, некоторые аспиранты Назирова прямо отказались давать о нём биографические интервью для нашего журнала¹, и при этом не опубликовали своих воспоминаний в каком-нибудь другом месте. Таким образом, можно утверждать, что ими руководила не просто неприязнь к нашему изданию, а соображения более высокого порядка, в которых мы попробуем разобраться.

Если не брать в расчёт некролог 2005 года (*Борисова и др.*), то станет хорошо видна та граница, которая проходит между группой людей, оставивших воспоминания о Назирове, и теми, кто предпочёл этого избежать. На интервью и написание воспоминаний соглашались только те, кто не включен в уфимскую университетскую систему, а конкретнее: те, кто не является сотрудником Башкирского государственного университета. Все информанты либо иногородние (*Илюшин*, *Катаев*, *Романов*, *Валтакари*, *Осват*, *Белов*, *Зубарев*),

¹Подробнее об этом в статье Орехов Б. В. Корпорация совести // Назирковский архив. 2019. №. 4. С. 108–113.

либо такие уфимцы, которые не смогли или не имели амбиций закрепиться на преподавательских позициях в университете (*Рыбина, Шуганов, Никольская, Выналек, Спиридонова, Гаврилова, Тупеев, Лобанова, Карпусь, Еникеев*). Примечательно, что на момент публикации их материалов в нашем журнале *Каракуц-Бородина* и *С. С. Шаулов* состояли в штате Башкирского университета, но ушли из него соответственно в 2018 и 2019 годах, что, на наш взгляд, отражает их слабую включённость в эту среду. *С. М. Шаулов*, также оставивший воспоминания о Назирове, работал в другом крупном уфимском вузе — Башкирском государственном педагогическом университете, но и он был уволен в 2017 году.

Вернёмся к некрологу 2005 года. Одним из его авторов выступила сотрудник кафедры Назирова и его преемник на посту заведующего Р. Х. Якубова. На первый взгляд, может показаться, что её персона нарушает реконструируемый порядок: сотрудники БашГУ, глубоко интегрированные в свою социальную среду, к каковым, несомненно, относилась *Якубова*, тоже участвуют в создании биографического нарратива о Назирове. Но при ближайшем рассмотрении это оказывается не совсем так.

Жанр некролога (тем более в академическом журнале), в котором выступила *Якубова* вместе со своими соавторами (в том числе с В. В. Борисовой, профессором Башкирского государственного педагогического университета), предполагает весьма сухие стилиевые рамки и формальные ограничения, накладываемые на биографический нарратив. Назиров предстаёт в этом тексте не столько человеком, сколько функцией — сотрудником университета, академическим работником, основателем собственной научной школы. Его образ в рамках этого текста ограничен профессиональными обязанностями: «научный руководитель, <... > администратор — многолетний заведующий университетской кафедрой — наконец, как бесспорный авторитет в среде специалистов» (*Борисова и др.* С. 248). Это жанровое повествование не расцвечено человеческими качествами, яркими эпизодами из жизни, запоминающимися деталями. Все сведения о главном герое строго шаблонные, укладываемые в хорошо знакомые схемы. В ряде случаев видно, что не индивидуальность Назирова формирует миф, а миф подстраивает под себя нарратив о Назирове. Например, сообщается, что «Ромэн Назиров, блестяще закончил филологический факультет Башкирского государственного университета» (*Борисова и др.* С. 246). С точки зрения мифа об учёном, учёба в университете — важная этиологическая составляющая, она уже должна представлять нам персонажа как представителя академической среды. В то же время эта мифологическая черта не соответствует действительности. От «блестящего» окончания мы ожидаем отличных оценок, но государственный экзамен по русскому языку Назиров сдает на «хорошо»¹, что заставляет усомниться в безупречности формулировки из некролога *Борисовой и др.* В целом профессор университета остается функциональной единицей, но лишается человеческого профиля и индивидуальности.

Остальные биографические свидетельства демонстрируют совершенно иную стратегию разговора об учёном. В них Назиров не сводится до своей академической функции, а пред-

¹Запись из дневника Назирова от 29 июня 1957 г., АРГН оп. 4, д. 36, л. 115.

стает в богато персонализированном образе через цепь биографических эпизодов и индивидуальных черт. Случаи, показывающие нетипичное поведение Назирова на экзаменах (*Марченко, Раздумина*), его манера курить в здании университета (*Каракуц-Бородина, Тунеев, С. С. Шаулов, Спиридонова*) и другие подобные детали появляются только в текстах респондентов, не ассоциированных с Башкирским университетом.

Всё это говорит о том, что в сообществе, сложившемся вокруг Башкирского университета, нет запрета на воспоминания о Назирове (с оговоркой для тех случаев, когда субъектом воспоминаний выступают такие одиозные персоны, как В. И. Хрулёв¹). Мы видим упоминания Назирова в ряду других сотрудников университета (например, в газете «Кафедра»²), но не видим возможности для индивидуализированного и персонального нарратива о нём. Типично ли это для учёных-филологов? Нет, нетипично, если мы говорим об основателях столичных научных школ. Индивидуализированных воспоминаний можно найти о множестве важных для отечественной науки филологов³. То есть тенденция деперсонализации памяти не характерна для академической филологии вообще, она концентрируется именно в Башкирском университете.

В среде университета нет запрета на биографический нарратив о Назирове, но есть запрет на индивидуальный биографический нарратив. О Назирове можно писать в ряду других профессоров, сделавших свой вклад в историю факультета, но нельзя писать о Назирове, фокусируясь на его личности отдельно от других университетских персоналий. Социальная среда Башкирского университета максимально далека от личностной ориентированности. В случае с некоторыми другими университетами мы видим тенденцию к появлению мономифа, например, складывающегося вокруг основателя: так, Московский университет называется именем М. В. Ломоносова, на территории университетского кампуса можно найти не один памятник выдающемуся ученому XVIII века. Башкирский педагогический университет назван в честь просветителя Акмуллы, памятник которому установлен рядом с одним из учебных корпусов. Присутствуют и другие мемориальные атрибуты вроде цитат просветителя, развешенных на стенах коридоров и учебных помещений.

Но Башкирский университет всегда был имперсонален. В советские годы он назывался «им. 40-летия Октября», то есть ономастика не была личностно ориентированной в отличие от Мордовского университета им. Н. П. Огарева или Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Симптоматично, что Башкирский университет был создан на основе педагогического института им. К. А. Тимирязева, но при преобразо-

¹Подробнее об этом в статье Орехов Б. В. Недобросовестность памяти // Назировский архив. 2018. № 4. С. 92–94.

²Там же.

³См. раздел «Воспоминания» в Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова. М., 2002., Филологический сборник памяти профессора Самуила Борисовича Бернштейна: К пятилетию со дня кончины. М., 2002., Памяти Георгия Пантелеймоновича Макогоненко: Сборник статей, воспоминаний и документов. СПб., 2000. Жизнь языка II: Памяти Михаила Викторовича Панова. М., 2007 (*Studia philologica*)., Одинцов В. В. В. Виноградов: Книга для учащихся. М., 1983., Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти В. Н. Сидорова. М., 2004., Виноградов В. В. Алексей Александрович Шахматов. Петербург, 1922., Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999 и др.

вании в университет это наименование было потеряно. Возможно, как раз потому что персонализация осознавалась как сужающая концептуальный ресурс будущего университета.

В то же время некоторые личностно-ориентированные факты в структуре университета всё же присутствуют: это мемориальные кабинеты лингвистов Дж. Киекбаева и Л. Васильева. Однако Назиров не проходит того фильтра, который преодолевают Киекбаев и Васильев для получения своей индивидуальности в университетской сети (в смысле Б. Латура). Симптоматично, что у учеников Л. М. Васильева также нет идеи создания биографического нарратива. В юбилейных сборниках, которые были посвящены этому ученому, традиционно присутствовали деперсонализированные тексты о нём¹, но они были выдержаны в духе того повествования, которое мы разбирали на примере некролога 2005 года. Опять-таки совершенно иначе выстраивается нарратив о М. Л. Гаспарове², М. М. Гиршмане³, А. А. Зализняке⁴.

В чём разница между почитанием учителя в форме называния его именем мемориального кабинета и написанием воспоминаний о нём? Можно назвать эту разницу боязнью мифологизации. Если учитель остается в виде таблички на двери аудитории, то его образ статичен, лишен материала для создания мономифа. Миф же, как подчеркивал Назиров, сюжетен⁵. Табличка на аудитории внесюжетна, а живые воспоминания культивируют богатый повествовательный мифотворческий материал. Башкирский университет боится создания мономифа, он продуцирует язык описания, в котором роль отдельной персоналии ничтожна, и может проявить себя только в системном взаимодействии с другими акторами.

Это важно, потому что, по словам Б. Латура, «Лаборатория позиционирует себя именно таким образом, чтобы внутри своих стен репродуцировать то, что, как кажется, происходит снаружи, а затем распространить вовне, то есть на всех фермах, то, что, как кажется, происходит только внутри нее. Здесь внутренний и внешний мир могут превращаться один в другой так же легко, как это происходит в какой-нибудь теореме по топологии»⁶. Если заменить слово «лаборатория» на «кафедра» или «университет», то это утверждение станет очевидно приближено к нашим реалиям. Благодаря этим механизмам распространения описательного языка социальная среда Башкирского университета формирует систему координат, в которой нарративные персонализированные высказывания о Назирове оказываются невозможными, и включённые в эту среду фигуры последовательно воплощают этот принцип в своих социальных действиях.

Это позволяет нам разделить тех, кто потенциально мог бы оставить свои воспоминания о Назирове, на две группы. Во-первых, это представители социальной среды Башкирского университета. Во-вторых, те, кто слабо включён в эту среду, или совсем не включён

¹ Например, Система языка: синхрония и диахрония. Уфа, 2009.

² Новое литературное обозрение. 2005, № 73; Язык. Стих. Поэзия. Памяти М. Л. Гаспарова. М., 2006; Вечер памяти Михаила Леоновича Гаспарова (8 декабря 2005 г.): Сб. материалов. М., 2007.

³ Теория и диалог: к 80-летию М. М. Гиршмана. Донецк, 2018.

⁴ Бураc М. Истина существует. Жизнь Андрея Зализняка в рассказах ее участников. М., 2019.

⁵ Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа, 2014. С. 13.

⁶ Латура Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 14–15.

в неё. Первые последовательно отказываются от реализации своих возможностей на создание нарратива, вторые реализуют свою возможность и создают тексты, которые вошли в нашу выборку. Так реализуют себя структуры коллективного сознания в формате обыденного знания и субъективных действий.

Удивительно, но такая стратегия, по всей видимости, должна свидетельствовать о расинхронизации языка Башкирского университета, сохраняющего патриархальные коллективистские принципы, и модернизационных тенденций в глобальной перспективе: «Общеввропейский процесс модернизации может быть описан в том числе и как процесс субъективирования/индивидуализации жизни (как распечатывание ранее закрытых полей, интернализация постматериальных ценностей, тенденции приватизма и т.д.), и в русле этого процесса биография становится центральным социальным измерением»¹.

Стратегии ненормализации

Другое категориальное разделение авторов биографических текстов о Назирове, которое напрашивается после прочтения и глубокого анализа нашей выборки, это наличие особой оптики, позволяющей видеть в персонаже своего рассказа уникальную фигуру. В самом деле, большинство информантов из Уфы (особенно те, кто учился в Башкирском университете) готовы признать в Назирове особую, ни на кого не похожую личность. Такого рода мотивами проникнуты воспоминания *Спиридоновой* («Ромэн Гафанович, да вы что! Они все и мизинца вашего не стоят!»), *Каракуц-Бородиной*, *Шаулова*, *Тупеева*, *Еникеева*, *Карпусь*, *Вьналек* («В панике от того, что я так и не услышу легендарного лектора, я пошла в деканат и сокрушенно пожаловалась замдекана, что, мол, время на филфаке пройдет даром, мы так и не услышим лекции Назирова»). Такое отношение выражено не только в конкретных высказываниях, но и в общем эмоциональном тоне, сопровождающем рассказ о чём-то заведомо нетипичном.

Иную оптику демонстрируют иногородние информанты и сверстники Назирова. В рассказах большинства представителей академической среды ученый предстает одной из ряда похожих на него персоналий, в некотором смысле взаимозаменяемых. Несмотря на отдельные фразы, выделяющие Назирова из общего ряда («Рома был единственным, кто без колебаний сказал, что это Солженицын» у *Зубарева*), объект воспоминаний не обладает статусом уникального. Даже те черты, которые повторяются из текста в текст и выделяют Назирова из ряда профессорско-преподавательского состава (как, например, эрудиция), не служат основанием для его обособления: «Ну, мы все тогда вставали и ходили и этим расширяли свой кругозор» у *Катаева*.

Из этого ряда выбивается сотрудница музея Достоевского в Санкт-Петербурге *Чернова*, прямо говорящая, что «его < Назирова — Б. О. > восприятие Петербурга Достоевского уникально», а также *Романов*, который по его локации (Харьков) и должен быть отнесён

¹Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М., 2012. С. 6.

к той же категории «иногородних», всё же идентифицирует себя как младшего коллегу. По всей видимости, ключевым для классификации должен быть поколенческий признак.

Одни информанты (студенты, ученики Назирова, люди младшего поколения) видят в фигуре Назирова отклонение от нормы, другие (люди старшего поколения, сверстники, коллеги, сыновья) рассматривают его в рамках своей социально-поведенческой нормы. В случае вторых очевидно, что Назиров представляет собой тот же габитус (в терминах П. Бурдьё). «Когнитивными средствами поддержания хабитусного порядка — согласно этнометодологам, а также П. Бурдьё, — служат стратегии нормализации: приведение к норме и отклонение ненормативного»¹.

Ненормативное поведение Назирова демонстрируется с помощью цепи повторяющихся от респондента к респонденту мотивов, среди которых бесспорным лидером является привычка курить в здании университета. Об этом говорят *Каракуц-Бородина, Тупеев, С. С. Шаулов, Спиридонова*. Такое поведение, демонстрирующее готовность к нарушению запретов (в данном случае — запретов, связанных с противопожарной безопасностью), ярко выделяло Назирова среди других преподавателей. Симптоматично, что подпадавшие под обаяние Назирова студенты приписывали готовность курить в запрещенных для этого местах только ему:

И это был единственный преподаватель, который курил у нас в коридоре <...>
< Интервьюер: > *А ещё Брянцева курила прямо в аудитории в университете.*
Я не видела. Может быть, я не обращала внимания. (Спиридонова)

Те, для кого Назиров был скорее воплощением нормы, напротив, не замечали этой привычки профессора:

В коридорах его встречал, конечно, но не особо обращал внимание, внешность у него была обычная, экстравагантных поступков, вроде курения «Примы» у расписания, как это Л. И. Брянцева делала, за ним не замечал <...>

< Интервьюер: > *Кстати, ты вот этого не помнишь, но Назиров курил в коридоре филфака, тушил сигарету и бросал её в угол.*
Может быть. (Муслимов)

Д. Муслимов — особенная фигура, так как он начинал учиться на психологическом факультете БашГУ, и только после нескольких курсов перешёл на филологический. С таким багажом его восприятие уже имело прививку, новых преподавателей он воспринимал на фоне ярких личностей другого факультета, так что Назиров произвёл на него не такое сильное впечатление, как на студентов, сразу поступивших на филологию².

¹Рождественская Е. Ю. Документальный доступ к «субъективным микротеориям» и обыденному знанию // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2011. Т. 32. С. 94.

²В этом сравнении следует учитывать и что «женщины, как правило, запоминают больше эмоциональной информации, чем мужчины» Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М., 2012. С. 56.

Те, кто видят в Назирове сходный с ними габитус, напротив, склонны строить нарратив таким образом, чтобы объект воспоминаний встраивался в норму посредством аналогий. Хорошо видно, как *Осват* видит в Назирове второго Туниманова, *Зубарев* — второго Карякина, *Катаев* — второго Турбина (в том фрагменте воспоминаний, который касается предзащиты докторской диссертации). Довольно естественно, что «Актеры, характеризующие общностью социального положения, стремятся воспринимать социальные ситуации и действовать сходным образом»³.

Такая нормативность фигуры Назирова в памяти информантов не позволяет им воспринимать учёного как фигуру, располагающую к особому статусу. Схожие процессы реализуют себя и за пределами биографического нарратива, как это видно в заметке А. П. Власкина, не советовавшего в принципе публиковать незаконченный роман Назирова¹. Практика публикации черновых текстов выдающихся авторов не может повлиять на мнение человека, не считающего Назирова выдающимся автором.

Университетская иерархичность и объективация

Ещё два повторяющихся тематических блока из биографического нарратива о Назирове могут получить социологическую интерпретацию.

Первый касается взаимоотношения преподавателей и студентов в университете 2000-х годов.

Сравним два фрагмента воспоминаний:

Позже я подошла и сделала Ромэну Гафановичу комплимент, сказав, что лекция была потрясающей. Обычно он вел себя несколько высокомерно, как человек, знающий себе цену, а тут смутился... (Выналек)

Потом я увидела его в курилке, где он общался со студентами, и была потрясена тем, как он вел себя с ними. Конечно, определенная дистанция присутствовала, но не чувствовалось и тени высокомерия. (Чельшева)

В своей книге об истории университета в России Р. Р. Вахитов фактически говорит о том, что сфера высшего образования на русской почве никогда не представляла собой институции по передаче знания в чистом виде². На разных этапах задачи университета корректировались, но большую часть своей истории университет представлял собой место производства чиновничества. Так как цех чиновников изначально иерархичен, на естественные иерархии, связанные с возрастом и уровнем знаний в университете накладываются социальные иерар-

³Рожественская Е. Ю. Документальный доступ к «субъективным микротеориям» и обыденному знанию. С. 92

¹Власкин А. П. Сложное впечатление // Назировский архив. 2016. № 1. С. 179–180.

²Вахитов Р.Р. Судьбы университета в России: имперский, советский и постсоветский раздаточный мультиинститут. М., 2014.

хии, связанные с табелью о рангах. Приходящий в университет студент представляет собой не столько будущего учёного, сколько подмастерье на нижней ступени чиновничьей лестницы. Поэтому в университетах до сих пор сохранилась традиция приветствовать входящего в аудиторию лектора вставанием. «Первоочередной задачей для российского мультиинститута, мимикрирующего под университет, была подготовка государственных служащих <...>. Об этом прямо было сказано в самых первых российских университетских уставах от 1804 года»³

По всей видимости, «высокомерие», о котором здесь идёт речь, можно переконвертировать в чувствительность к иерархичности отношений внутри вуза. Если для *Выналек* такая граница между уровнями естественна и в целом информант готов к принятию существующего положения вещей, то *Челышева* его не принимает и не готова мириться с традиционной иерархией.

Современный университет переживает перестройку традиционной модели, преподаватель в наиболее прозападных вузах уже не воспринимается как чиновник более высокого ранга, а реализует менее иерархичную стратегию тьютора-помощника при овладении знаниями. Две точки зрения на поведение Назирова в этом смысле воплощают две модели университетской организации: традиционную (в чём-то даже архаичную) и модернизационную. Какова была позиция самого Назирова по этому поводу, установить из биографических сообщений информантов уже невозможно, но так как его образ мыслей был сформирован в классической советской университетской среде, иерархичность в том или ином виде должна была быть ему присуща.

Второй мотивный комплекс нарратива концентрирует внимание на интересе Назирова к женской красоте. Фактически об этом не свидетельствует только формально выстроенный некролог. На женолюбии Назирова останавливаются *С. М. Шаулов*, *Чернова*, *Выналек*, *Каракуц-Бородина*, *Спиридонова*, *Зубарев*, *Катаев*. Наиболее осторожно высказывается *Катаев*, который даёт интервью осенью 2019 года. Это время, когда активисты феминистских движений уже добились внимания к проблеме домогательств к студенткам со стороны преподавателей высших учебных заведений. Из-за повышенного внимания к домогательствам в других общественно значимых областях (прежде всего, в американском кинематографе), такая повестка актуализировалась и в сфере высшей школы. В терминах радикального феминизма поведение Назирова, по всей видимости, можно было бы квалифицировать как домогательства. Ср.:

Я помню, что он меня даже спросил (я просто рассказываю, как есть): «Катя, а у вас есть молодой человек?» <...> И я ему как-то ответила так вот: «Ой, да у меня их много!» <...> То есть он спросил конкретно, видимо, о серьёзных отношениях речь шла. И он сказал: «Как я им завидую!» (Спиридонова)

---

³Там же. С. 84.

Социологической интерпретации здесь поддаётся не собственно назировское женолюбие, не возможность переосмыслить его откровенные разговоры со студентками и внимание к ним как харассмент, а то имплицитно одобрительное отношение, которое информанты высказывают по этому поводу:

Ромэн Гафанович сделал по поводу проходящей мимо студентки замечание, обращаясь ко мне: «Видели, какая эффектная женщина?!» Было немного обидно, что оценка зна-тока женской красоты была обращена не в мой адрес. Впрочем, как-то и я дождалась комплимента от мэтра. Мы с девчонками, зная те дни, когда Ромэн Гафанович будет на факультете, одеться покрасивее. Мы знали, что он любит в перемену прогуливаться по коридору. Мы старались попасться к нему на глаза, чтобы он запомнил нас и оценил. (Выналек)

Назировский нарратив свидетельствует, что настроения радикального феминизма пока находят слабую поддержку в среде выпускников университетов, иначе мотив женолюбия в апологетических воспоминаниях о Назирове не всплывал бы так часто. Его внимание к женской красоте явно одобряется респондентами и встраивается в модель статусно-ролевого поведения.

Заключение

Процесс рассказывания служит интерфейсом между индивидуальным и коллективным, позволяет «связать отдельное сознание с социальной реальностью»¹. Нам удалось проследить, что в отношении к биографическому нарративу о Назирове имеет смысл выделить три социальные группы.

Первая концентрируется в Башкирском университете. Это довольно естественно, учитывая, что «организации и социальные институты создают нормативные биографические паттерны. Так, в соответствии с институциональными требованиями индивид изображает свою трудовую деятельность как карьеру — заданный биографический паттерн, которым индивид может и должен пользоваться»². У тех акторов, кто включён в эту социальную группу, имеются запретительные мотивы, которые не позволяют им включаться в создание биографического нарратива. Наиболее отчётливо реконструируется боязнь создания моно-мифа и общая архаизированная ориентация на деиндивидуализированность исторического нарратива, культивируемая в Башкирском университете.

Вторая группа — это старшее поколение сверстников Назирова, людей на несколько лет его младше, и родственников. Они воспринимают персону Назирова в терминах нормальности, которая подкрепляется аналогиями среди персоналий собственного окружения.

¹Hammack Ph. L., Pilecki A. Narrative as a Root Metaphor for Political Psychology // Political Psychology. 2012 33 (1). P. 75–103.

²Рожественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М., 2012. С. 45.

Третья группа — это младшее поколение студентов, успевших прослушать у Назирова курсы в университете. Их воспоминания строятся в соответствии с сюжетом отклонения от нормы: Назиров неизменно предстаёт для них как уникальная фигура, не похожая ни на кого из профессорско-преподавательского состава филологического факультета Башкирского университета.

В целом расхождения между биографическими свидетельствами минимальны и хорошо интерпретируемы. Всё это позволяет говорить о произведенной селекции¹ той информации, которая стала для нарратива о Назирове конструктивно значимой.

---

¹Необходимость селекции информации таким образом проявляется в тенденции со стороны повествующего сообщать слушателю наиболее релевантную для своего жизненного опыта информацию о событиях, связях и последствиях этих событий, другими словами информацию, отвечающую критерию существенности. Журавлев В. Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология: 4М. 1993 – 1994. № 3–4. С. 37.

